

Отзыв

официального оппонента о диссертации Анны Игоревны МИЛОВАНОВОЙ «Ключевые компоненты фразеологизмов, выражающих свое значение через наименование нереального явления, как вербализаторы лингвокультурного кода русского народа», представленной на соискание учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык (Воронеж, 2021. – 189 с.; автореферат: Воронеж, 2021. – 24 с.)

Фразеологический фонд русского языка отражает национально-культурную специфику нашего народа, его многовековой опыт наблюдений за окружающим миром и событиями в социуме. В рецензируемой диссертации с достаточной степенью убедительности установлено, что русская фразеология – это огромный пласт значимых для культуры и языка единиц, углублённое изучение которых позволяет лучше познать народ, создающий фразеологические единицы, и процессы, происходящие в его языке.

Под *нереальным явлением* в рецензируемом исследовании понимается что-либо не существующее в действительности, то есть какое-либо неосуществимое, невыполнимое, неисполнимое, несбыточное, невозможное, нежизненное. Реализующие это явление фразеологические единицы вызывают интерес в связи со своей образностью, использованием сочетаний противоречащих друг другу понятий в структуре фразеоборотов, а также в связи с наличием компонентов, отражающих национально-культурную специфику языка (с. 4).

Согласимся с исследовательницей, что следует сгруппировать фраземы с учётом доминирующей лексической единицы, участвующей в образовании нереального образа, поэтому на первое место в анализе должны быть определены фразеологизмы с соматическим компонентом, с компонентом-зоонимом и с пространственным и временным компонентами. Соискательница полагает, что фраземы с временным и пространственным компонентами могут быть объединены в одну группу в связи с неразрывностью категорий пространства и времени при познании человеком окружающего мира и своего места в нём, расширяя представления М. М. Бахтина о *хронотопе*, связывающем временные и пространственные отношения в художественном тексте (с. 5), на фразеологические категории. Совершенно очевидно, что комплексное исследование фразеологизмов, выражающих свое значение через наименование нереальных явлений, способно раскрыть ключевые компоненты культурного кода. Всё это определяет **актуальность** рецензируемого диссертационного исследования. Автор подробно описывает её (с. 3-4).

А. И. Милованова достаточно точно формулирует **цель** диссертации, заключающуюся в выявлении ключевых компонентов фразеологизмов, выражающих своё значение через наименование нереального явления, как носителей кода русской культуры (с. 6). Вполне ёмко и точно дано определение **задач** (с. 6-7), они в целом соотносятся с положениями,

выносимыми на защиту. Возможно, лишь первая задача несколько тривиальна: без определения основных теоретических подходов нельзя приступить ни к какому исследованию.

В диссертации чётко определён **объект** исследования (с. 6). Что касается **предмета**, думается, что в его характеристиках не хватает процессуальности: ключевые (доминирующие) компоненты фразеологических единиц столь же объектны, как создаваемые с их помощью фраземы. Не вызывает вопросов выбор диссертанткой **методов и приёмов** исследования (с. 7).

Соискательница даёт обстоятельное определение **научной новизны** диссертации, состоящей в том, что в ней впервые с целью выявления ключевых (доминирующих) компонентов как носителей кода русской культуры анализируются фразеологизмы, выражающие свое значение через наименование нереального явления (с. 6).

А. И. Милованова строит свою работу, опираясь на **материал**, включающий 222 русских фразеологических единицы (с. 5), экскерпированных из авторитетных лексикографических источников, перечисленных в работе с несколько излишней подробностью (они затем повторяются в списке источников).

Убедительно описана в диссертации **апробация** исследования: А. И. Милованова опубликовала 6 научных работ общим объёмом около 2 печатных листов, в том числе 4 статьи в журналах, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов кандидатских и докторских диссертаций. Соискательница приняла участие в 5 международных и внутривузовских научных конференциях в Воронеже, Твери, Скопье (Северная Македония), а также выступала на научных сессиях ВГТУ 2015-2018 годов (с. 11).

Достаточно подробно описаны **теоретическая и практическая значимость** рецензируемого исследования (с. 8). **Теоретико-методологической основой** диссертации стали труды лингвистов по проблемам теории фразеологии, лингвокультурологии, лингвокогнитологии, ономастики и других направлений научного поиска (с. 5). Обстоятельно описана А. И. Миловановой **степень научной разработанности проблемы** (с. 8-10).

Весьма удачно сформулированы автором **положения**, выносимые на защиту (с. 10-11). Может быть, в первом положении следовало расширить доказательную базу. Но в целом в диссертации скоординированы задачи, положения, выносимые на защиту, количество глав и параграфов, а также содержание основных выводов.

Поскольку в положениях, выносимых на защиту, содержится квинтэссенция диссертации, рассмотрим их подробнее.

В *первом* положении доказывается, что ключевые компоненты фразеологизмов, выражающих свое значение через наименование нереального явления, являются доминантами лингвокультурного кода русского народа. Это положение наиболее подробно рассматривается во второй главе (параграфы 2.2, 2.3 и др.). Заключение диссертации целиком повторяет эту же формулировку.

Второе положение утверждает, что основными компонентами фразеологизмов, выражающих свое значение через наименование нереального

явления, являются соматический, зооморфный, пространственный и временной компоненты. Это положение рассматривается во 2-й, 3-й и 4-й главах. В заключении автор подводит итоги: соматизмы (90 ФЕ или 40 %), зоонимы (45 ФЕ или 21%), а также пространственные и временные компоненты (30 ФЕ или 13,3%), обладают большей фразеобразовательной активностью и чаще других компонентов участвуют в образовании наименования нереального явления во фразеологической единице. Соискательница поясняет, что термин *зооним* используется ею в широком смысле (с. 111), при этом из ономастических зоонимов использована только кличка крылатого коня из древнегреческой мифологии в ФЕ *оседлать Пегаса* (с. 93). Вряд ли можно согласиться с отнесением к зоонимам притяжательных прилагательных *волчий, птичий*, образованных от названий животных (с. 94).

Третье положение предполагает доказательство того, что лексемы *душа* и *сердце*, являясь наиболее значимыми в духовном кругозоре русского народа и выполняя символическую роль в репрезентации чувств и нравственных качеств человека, в ФЕ, включающих наименование нереального явления, либо опредмечиваются (*камень на душе, на душе кошки скребут, каменное сердце*), либо персонифицируются, приобретая свойственные человеку физические, физиологические и психические качества (*душа поёт, сердце радуется, доброе сердце, злое сердце, робкая душа*). Положение рассматривается во второй главе, прежде всего в параграфе 2.3. В заключении определяется, что основными лексемами, участвующими в формировании нереального явления, характеризующего нравственные качества человека, стали соматические компоненты *душа* (7) и *сердце* (5), символизирующие эмоциональную сферу, средоточие сильных чувств. Характерной чертой данных ФЕ стала их пейоративная окраска (14 ФЕ), что свидетельствует о репрезентации в языке отклонения от нормы, которое заключается в отсутствии духовности и сердечности как важных и особых качеств русского человека (с. 162). Думается, что здесь полезно было бы упомянуть о том, что в языке существует аксиологическая асимметрия: отрицательная оценка в словах встречается чаще, чем положительная, единицы с негативными коннотациями преобладают над словами с позитивными оттенками значения.

В четвёртом положении соискательница утверждает, что пространство в исследуемых фразеологизмах репрезентируется как нереальное, как территория, которая не существует, находится за гранью материального мира (*на краю света, у чёрта на куличках*); время также мыслится как нереальное, обозначая момент, который никогда не наступит (*когда рак на горе свистнет, на турецкую Пасху*). Это положение рассматривается соискательницей в 4-й главе. В заключении А. И. Милованова ещё раз подчёркивает, что исследуемые ФЕ обозначают нереальное или далёкое пространство, которое человек не освоил, а время – как момент, который никогда не наступит (с. 163). Поскольку в работе учитывается ономастический аспект анализа материала, можно было бы указать, что ФЕ *на турецкую Пасху* содержит геортоним (см. работы П. В. Чесноковой и других исследователей).

В *пятом* положении определяется, что низкая фразеобразовательная активность ключевых компонентов фразеологизмов, выражающих своё значение через наименование нереального явления и являющихся доминантами артефактно-вещного, костюмного, гастрономического, религиозно-антропоморфного, религиозно-артефактного, архитектурного и других кодов культуры, объясняется их материальной природой, то есть предметной семантикой. Не очень понятно, как религиозно-антропоморфный код соотносится с материальной природой. Автор его определяет как аксиологический код, который заключается в нравственных ценностях, эталонах, базовых оппозициях культуры, пронизывающих все бытие (с. 40). Доказательства этого положения осуществляется в 5-й главе.

А. И. Милованова прекрасно знает своих научных предшественников: упоминания о работах по проблемам фразеологии, лингвокультурологии, языковой картины мира, национально-культурной специфики языковых единиц, взаимосвязи языка и мышления, ономастики и пр. отмечены на многих страницах диссертации (с. 4-5, 8-24 и т. д.).

Современная научная работа по лингвистике не может обойтись без таблиц, схем, графиков; в рецензируемом труде представлено 7 таблиц, которые убедительно используются для доказательства теоретических размышлений и практических выводов (с. 61, 98, 100, 102, 122, 126, 144).

Каждая глава завершается краткими выводами, а сама работа заканчивается обстоятельным **заключением** (с. 155-158), которое обладает самостоятельной ценностью. Оно не повторяет дословно выводы по главам, а содержит в сконцентрированном виде открытия и находки исследователя. К сожалению, в диссертации отсутствуют размышления соискательницы о *перспективах* исследования.

Список использованной литературы содержит 207 позиций, из них одна – на немецком языке. В список включены издания последних лет, в т. ч. 4 работы 2020 года и две – даже 2021-го (позиции 32, 131, 160, 203; 105, 188). Не очень понятна причина включения в этот список реферативных работ о лингвокультурологии, языковой картине мира из журнала «Молодой учёный» (позиции 190 и 198), который претендует на попадание в список «мусорных»: выходит еженедельно, статьи публикуются за плату. Включены в список и другие статьи из подобных изданий. Некоторые позиции списка оформлены с ошибками (25, 178 и др.). Имеется также список словарей (11 позиций), источников (15 позиций). Один из словарей попал в список использованной литературы (позиция 108).

Работа написана хорошим русским научным языком, терминология употребляется уместно, точно, без излишеств, соответствует парадигмам современной лингвистики.

Высоко оценивая диссертационное исследование А. И. Миловановой, мы сделаем некоторые замечания, которые, надеемся, будут стимулировать соискателя на дальнейший научный поиск и обеспечат необходимый уровень дискуссии на защите.

Автор старается показать хорошее знание истории научных изысканий в области фразеологии и других направлений лингвистического поиска, но иногда приводит излишнее количество цитат из источников, анализ которых уже давно вошёл в вузовские учебники и научно-популярную литературу. Вряд ли стоило пересказывать классификацию фразеологизмов В. В. Виноградова и Н.М. Шанского (с. 14-16). Упоминание о том, что В. В. Виноградов опирался на классификацию Ш. Балли (с. 14), стало известно лишь в конце XX века из работ других исследователей, поэтому было бы целесообразно их включить в список литературы (Аничков И. Е. Труды по языкознанию. / Сост. и отв. ред. В. П. Недялков. СПб: Наука, 1997. С. 429-431), да и саму работу Ш. Балли хотя бы в русском переводе можно было в нём упомянуть (Балли Ш. Французская стилистика / Пер. с фр. К. А. Долинина; под ред. Е. Г. Эткинда; вступ. ст. Р. А. Будагова. – М.: Изд-во иностр. лит., 1961. – 394 с.).

Уважительно относясь к предшественникам, диссертантка не решается вступать с ними в полемику; это приводит к тому, что рядом оказываются цитаты, не вполне соответствующие, а то и противоречащие друг другу. Так, отмечается, что Е. Л. Березович считает лексему *душа* номинацией воображаемой, вымышленной части человеческого тела (с. 63). А. Д. Шмелёв также определяет душу как нематериальную сущность, но добавляет, что в наивно-языковом представлении она воспринимается как своего рода невидимый орган, локализованный где-то в груди и отвечающей за внутреннюю жизнь человека (с. 63-64). А далее следует цитата из словаря В. И. Даля: душа – «бессмертное духовное существо, одарённое разумом и волею» (с. 64). Соискательница делает вывод: «среди соматической лексики можно выделить номинативы, обозначающие внешние и внутренние органы: части тела и душу» (с. 64), из чего следует, что душа не является частью тела.

Странно, что исследовательница не обращается к наиболее авторитетным в настоящее время словарям: БАС, МАС, БТС. Из-за этого возникают не вполне чёткие определения и характеристики фразем. Так, анализ примеров, в которых нереальность образа возникает якобы в результате того, что душа как нематериальная сущность характеризуется как предмет осязаемый, материальный: ФЕ *мёртвые души* (душа во всех религиях считается бессмертной), ФЕ *душа нараспашку* (душа как расстегнутый предмет одежды) и т.д. (с. 65), свидетельствует лишь о том, что в диссертации не учтены хорошо описанные в словарях значения полисеманта *душа*: 8. В России до реформы 1861 г.: крепостной крестьянин. 10. Впадина под рёбрами в центре груди (у человека) (БТС, с. 290).

Червь хоть и ползает, подобно змеям, всё же не может быть отнесён к *герпетологическому коду* (с. 88), ибо он относится к таксону первичноротых, а не к амфибиям или пресмыкающимся (Биологический энциклопедический словарь / Гл. ред. М. С. Гиляров. – М.: Сов. энциклоп., 1986. – С. 180).

Отметим ещё раз, что сделанные замечания не снижают общей положительной оценки выполненного соискательницей исследования, поскольку диссертация А. И. Миловановой является самостоятельной завершённой работой, содержащей новое решение актуальных научных задач,

имеющей существенное значение для разработки проблем фразеологии, лингвокультурологии, лексикологии и других сопредельных лингвистических дисциплин. Выводы и материал исследования могут быть использованы в вузовской и отчасти в школьной практике.

Представленная А. И. Миловановой диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук «Ключевые компоненты фразеологизмов, выражающих свое значение через наименование нереального явления, как вербализаторы лингвокультурного кода русского народа» является самостоятельным научно-квалификационным исследованием, в котором содержится решение задачи, имеющей существенное значение для филологической науки. Научное сочинение отвечает критериям, указанным в пп. 9-13 положения «О порядке присуждения учёных степеней», утверждённого постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 №842 (в редакции от 26.03.2016 №237). Автореферат и публикации отражают основные научные идеи и практические результаты исследования. Текст автореферата и текст диссертационного исследования согласованы между собой и не противоречат друг другу. Работа соответствует паспорту специальности. Автор диссертации Анна Игоревна МИЛОВАНОВА, несомненно, заслуживает присуждения искомой степени по специальности 10.02.01 – русский язык.

Официальный оппонент –
доктор филологических наук, профессор
кафедры русского языка и методики
его преподавания ФГБОУ ВО
«Волгоградский государственный
социально-педагогический университет»

В. И. Супрун

08 ноября 2021 г.

Контактные данные:

Адрес: 400005, Волгоград, ул. Пражская, 8, кв. 6.

Телефон: +7-905-338-43-45.

e-mail: suprun@vspu.ru

